

ИСТОКИ ФОЛЬКЛОРНОЙ ОБРАЗНОСТИ

УДК 398.7
ББК 82.3 (4 Укр)

Т. Г. ШЕВЧЕНКО В УКРАИНСКОЙ УСТНОЙ ПРОЗЕ

СТАНИСЛАВ КАЗИМИРОВИЧ РОСОВЕЦКИЙ

(Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко: Украина, 01033, г. Киев, бул. Шевченко, д. 14)

***Аннотация.** Статья посвящена воплощению образа Тараса Шевченко в украинской устной прозе. На существование красочных легенд о поэте современники обратили внимание еще при его жизни, а первые записи были сделаны уже в 1882 г. В советское время вышло несколько антологий фольклорных произведений о Шевченко, составленных по канонам «сталинской фольклористики». Большое количество текстов вошло в новейшую антологию (2006), подготовленную М. И. Назаренко, однако поиск в архивах, научное издание и исследование фольклора о Шевченко остается актуальной задачей фольклористического шевченковедения.*

В прозе народной Шевченкианы количественно преобладают «слухи-толки», подтверждающие уже известные слушателям вымышленные «истории», за ними следуют мемуары, чаще всего рассказы о встрече с поэтом, со временем всё более далекие от правдоподобности, и квазимемуары. Чистых фабулатов мало, они часто манифестируются как фрагменты устных мемуаров.

Устная проза о Шевченко имеет свой идеологический центр и периферию. Названный идеологический центр образует большой разножанровый комплекс, который, по нашему мнению, является украинской версией исследованной К. В. Чистовым «социально-утопической легенды» (мифа) о «возвращающемся избавителе». Шевченко выступает в функции немонархического «возвращающегося избавителя», а рассказы о нем укладываются в описанную К. В. Чистовым «весьма стабильную сюжетную схему» легенды (мифа). Периферию же устной прозы о Шевченко составляют анекдоты смехового характера, бытовавшие в интеллигентских кругах знакомых поэта. Они восходят к юмористическим повествованиям Шевченко о самом себе, этим неизученным образцам его устного горького «самосмеяния».

***Ключевые слова:** Шевченко, устная проза, легенда, миф, анекдот.*

Ученые современники Т. Г. Шевченко еще при жизни поэта обратили внимание на существование устной традиции о нем, а его приятель М. А. Максимович писал ему 6 октября 1859 г.: «А на правой стороне Днепра Вы стали лицом мифическим, о котором идут уже баснословия и легенды, наравне с преданиями старых времен» [Листи 1993, 9]. Со временем появились и первые печатные отклики об этом фольклоре.

Уже в 1875 г. Е. А. Ганненко сообщает, что на Украине существует «о Шевченке много рассказов и анекдотов» [Ганненко 1875, 193]. А. Смоктий, автор первой специальной статьи о рецепции образа Шевченко в фольклоре (1882), независимо от М. А. Максимовича, повторяет и конкретизирует его наблюдения над восприятием крестьянами поэта «в своих легендарных рассказах героем, приравненным к другим излюбленными исто-

рическим личностям, как то: Морозенко, Нечай, Палий...» [Смокий 1882, 371]. Н.П. Дашкевич в 1888 г. констатирует: «В народной словесности Шевченко уже занял место как “характерник” и народный герой, стоящий за “сермяжный люд” и его “волю”» [Дашкевич 1888, 293].

Содержательная статья О.К. Дорошкевича «Шевченко в крестьянских преданиях» (1929) интересна в первую очередь своими социологическими наблюдениями. О.К. Дорошкевич доказывает, что к тому времени такие предания сохранились, во-первых, только среди крестьянства («среди бывшего мещанства они, кажется, угасли; во всяком случае, даже следов их нам не посчастливилось найти в Киеве и Переяславе»), а между крестьянами, во-вторых, выявилась четкая детерминация: «О Шевченко лучше помнили потомки крепостных на Правобережье, чем казаков — на Левом берегу», и так было даже «в одном селе» (как пример приводится Прохоровка, в которую вошел хутор Максимовича Михайлова Гора) [Дорошкевич 1982, 399, 398]. О.К. Дорошкевич далее обращает внимание на то, что в каждом из «мемориальных» сёл бытовала своя своеобразная устная традиция о посещении его поэтом, она «стандартна и ограничена в своих тематических вариациях, причём эти вариации зависят от топографических и производственных черт этой местности» [Там же, 339].

Насколько достоверны записи, используемые в предлагаемой работе? Даже о дореволюционных записях преданий, сделанных в селах, где побывал Шевченко, О. Правдюк замечает, что, «возможно, некоторые из них — результаты переосмысления печатных источников» [Правдюк 1977, 367]. Начиная со второй половины 1930-х гг. тексты фольклора о Шевченко, напечатанные в СССР, несут на себе следы обработки адептами так называемой «сталинской фольклористики», при этом живой образ поэта из устной традиции корректировался официальным, сформированным под давлением двух доктрин. Речь идет об обязательных для шевченковедения положений тезисов ЦК КП(б) У 1934 г. и передовой статьи «Правды» «Великий сын украинского народа» (6. III. 1939) (об этих доктринах см.: [Одарченко 1994, 193, 198–199]).

Зафиксированные без соблюдения требований научной фольклористики, такие тексты бестрепетно редактировались, если нюансы идеологических заданий изменялись. Так, концовка псевдофольклорной поэмы «народного кобзаря», члена Союза писателей УССР И.С. Иванченко «Слава Кобзареві» («літературна консультація Дмитра Косарика») — «Сонце теплеє, сонце ясніє / Сонце — Сталін наш, всіх народів син» [Іванченко 1940, 80] — исчезает в перепечатке 1963 г. [Назаренко 2006, 529]. Однако ведь и сам «народный кобзарь» мог испытать воздействие официального представления о Шевченко, мог искренне принять «помощь» фольклориста и т.п.

М.И. Назаренко справедливо утверждает: «Социальная активность легендарного Шевченко заметно усилилась в советском фольклоре» [Там же, 643]. Однако дореволюционные крестьяне в силу известного недоверия к «панычам»-фольклористам могли ведь и скрывать от них наиболее социально и политически острые тексты «устной Шевченкианы». Следовательно, осторожнее было бы считать, что указанная тенденция касается записей, а не устной традиции как таковой. При этом если эзотерический характер рассказов о конфликтах поэта с царем, панами и «попами» исчезает в советское время, то в «подполье» переходят ранее эзотерические мистические тексты.

Большие массивы отредактированного и социально ангажированного фольклорисинеса, сопровождаемые старательно отобранными дореволюционными записями, популяризовались в антологиях [Шевченко 1940; Народ 1961; Народ 1963]. В них начинаются внутренние процессы варьирования и наследования, в определенной степени моделирующие те, которые происходят в устной традиции. Как замечает М.И. Назаренко, антология 1861 г. является переизданием («с изменениями, дополнениями и сокращениями») антологии 1940 г. [Назаренко 2006, 8]. Однако составители названы уже другие, так что возникает впечатление, будто в эту советскую культурологическую традицию перешло и фольклорное представление об авторстве.

В постсоветское время наблюдается в определенной мере возврат к идеологии

дореволюционных надднепрянских и до-советских галицких публикаций. Среди интерпретационных новинок можно отметить новые осмысления устной традиции о Шевченко в концепциях «поэтамифотворца» (Г. Грабович) и «мифа Украины у Шевченко» (О. С. Забужко), а также уже цитированную работу М. И. Назаренко. Следует отметить, что подготовленная М. И. Назаренко антология «Поховання на могилі (Шевченко, якого знали)» (2006), где находим наиболее полное из опубликованных собраний устной традиции о Шевченко, содержит не только фольклорные тексты. Однако вполне обоснованной представляется предложенная исследователем программа: «Публикация всего имеющегося корпуса фольклорных материалов как гипертекста с перекрестными отсылками... <...> 2. Изучение трансформации основных тем и сюжетов, присутствующих в “шевченковской легенде” <...>. 3. Установление генезиса конкретных мотивов и сюжетов — фольклорных, литературных, идеологических... <...>. 4. Определение основных структурных особенностей “шевченковской легенды” и восстановление сюжета “шевченковского мифа”, то есть инвариантного текста, вариантами и фрагментами которого являются существующие предания». Последнее задание переформулируется, собственно, в сверхзадачу, ради решения которой, по мнению М. И. Назаренко, и должна выполняться вся программа, а это «настоящему научное и всестороннее понимание того, каким предстает Шевченко в коллективном сознании (или даже в коллективном подсознании) украинского народа» [Там же, 650].

Не говоря уж о коллективном подсознании целого народа, вызывает сомнения сама возможность однозначного ответа на поставленный вопрос. Ведь уже материалы XIX в. свидетельствуют о различном восприятии образа Шевченко крепостными крестьянами и крестьянами-казаками, «киевскими перекупками» и каневскими мещанами.

Начинать же надо, разумеется, с собирания, возможно, полной регистрации и научной классификации всего массива записей фольклора о Шевченко, как напечатанных, так и рукописных. Из последних большой интерес представляет

рукописный сборник С. С. Нехорошева (г. Черкассы), хранящийся в его огромном фольклорном архиве 1915–1977 гг. (Рук. отдел Института русской литературы РАН, ф. 62, 63, 44 997 единиц хранения). До сих пор эти материалы были использованы только в студенческой публикации З. П. Тархан-Березы [Береза 1964] и в столь же идеологически обусловленной подборке В. П. Вильчинского [Вильчинский 1961].

Украинские записи полезно квалифицировать, исходя из меры аутентичности воспроизведения устного текста. Нелишней остается и социологическая классификация. По-видимому, анекдоты, бытовавшие в среде интеллигенции, следовало бы решительнее проверять на вариативность (а это один из признаков фольклорности), нежели записанные от крестьян или мещан. Не вызывает сомнения, что текст записи, напечатанный на русском языке, дальше отстоит от устного текста, чем изданный, как и звучал, на одном из украинских диалектов, а добытый из памяти и воспроизведенный через несколько лет (как, например, разговор с крестьянином на пароходе, живо переданный в 1906 г. Оленой Пчилкой, однако с уточнением, что «давненько й ся розмова була...» [Пчилка 1906, 3]), — чем записанный «с голоса». Точно так же и текст, сопровождаемый тщательно зафиксированными данными об информанте и обстоятельствах записи, в плане аутентичности должен получить преимущество перед теми, где эти данные отсутствуют.

Проза народной Шевченкианы бытовала, как и каждая живая устная прозаическая традиция, в трех формах, описанных К. вон Сидовом [Sydow 1934]. Как и всегда, численно преобладали «слухи-толки»; в традиции о Шевченко это были дополнительные сообщения, которые рассказывались крестьянам и мещанам, уже знакомым с основным содержанием традиции. Скажем, под Каневом или в Моринцах все знали, что в гробу на Чернечей горе лежит не Шевченко, что на самом деле он живой, и повторять все это во время очередной конкретной коммуникации не было нужды, зато возникали «слухи-толки» наподобие зафиксированных в официальных бумагах 1861 г.: «...верование в силу, славу

и святость Шевченко до того стало фанатичным, что народ рассказывает уже о сбывшихся вроде бы чудесах, например, что у одной женщины был сын калека, она только раз помолвилась Шевченко, и сын ее будто совершенно выздоровел» [Назаренко 2006, 562]. Второй такой же эзотерической формой существования традиции были мемораты, якобы передававшие личные впечатления информанта о встрече с поэтом: «Я бачив Шевченка, як оце вас. Того року воля вийшла...» [Там же, 446]. Они могли быть и просто вымышленными, как в рассказе от «А. П. Сокирко, 71 року», записанном в 1938 г.: «Як була я дівчиною, то була дружою на весіллі у своєї подруги. Гуляємо, але бачу — заходить якийсь пан...» [Народ 1963, 140]. Этот мнимый опыт мог быть и мистическим, поэтому такие мемораты записывались и через столетие после смерти Шевченко, например, от «В. Ф. Гордійчук, 80 л.» в 1960 г.: «Коли чийсь голос від порога: / — Як живеш, сестро? <...> / — Ну, що, — каже, — не впізнаєш Тараса?». Рассказчица не могла понять, «це сон, чи правда» [Кушнарченко 1964, 70–71]. Достаточно много записано и текстов в форме, производной от мемората, — это квазимеморат, где повествование от первого лица сохраняется, но субъект его уже не является непосредственно информантом или передается рассказ другого лица: «Мій батько пам'ятав, як перебував у Самойлова Шевченко. Робочі не знали, що то він, а батько знав і не раз бачив поета, але нікому не казав, в тайні тримав» [Народ 1963, 110]. Третья форма, фабулат, должна была бы возникать, когда информант из народа пересказывал фольклористу все, что он слышал о Шевченко. Но в действительности, если эта ситуация и возникала, образовывались тексты, переходные от мемората к фабулату, в частности, в записи от «старухи» из Звенигородщины, напечатанном в 1883 г. А. Смоктием [Смоктий 1883, 320–322]. Даже одноэпизодные рассказы (анекдоты) часто не представляют собой чистые фабулаты, потому что имеют обрамление от первого лица, манифестируются как фрагменты устных мемуаров.

Прозаические произведения о Шевченко имеют свой идеологический центр (или определенный «сверхсюжет»),

вокруг которого группируется подавляющее большинство текстов, и периферию, где доминирует смеховой компонент, а почти единственным жанром становится анекдот. Названный идеологический центр образует большой разножанровый комплекс, который, по нашему мнению, является своеобразной украинской версией исследованной К. В. Чистовым «социально-утопической легенды» о «возвращающемся избавителе» (см.: [Чистов 1967, 24–236]). Эта легенда (в современной терминологии скорее миф) выполняла в Московской Руси функцию идеологической базы как для индивидуальных попыток самозванчества, так и для могучих народных восстаний Смутного времени и под предводительством Е. Пугачева. В украинском фольклоре по понятным причинам не зафиксирована легенда о хорошем, обиженном боярами царе, который вот-вот вернется к власти, чтобы вознаградить своих сторонников, наказать господ и вообще установить социальную справедливость. Однако соответствующие мотивы встречаются в преданиях о казацких вождях. В частности, в записи, сделанной П. Мартыновичем в 1882 г. на Полтавщине, Семен Палий приобретает некоторые черты «возвращающегося избавителя», но более близок всё же к общеевропейскому образу «доброто императора» давних времен, который сидит в скале, но еще вернется в критический для своего народа момент: «Палий подався од царя на острови, не став склонятися перед царем. І він живий і досі. <...> Він колись буде воювати з царем за простолюддя» [Мартынович 1906, 237].

Шевченко выступает в такой же функции немонархического «возвращающегося избавителя», что и Палий. Но есть свидетельство, будто в соответствии с традицией украинской государственности о нем говорили как о гетмане независимой Украины. Его родственник и приятель В. Г. Шевченко вспоминал, как после ареста поэта ходили слухи, «що Тараса справді задали на заслане, за те, що він хотів зробитися гетьманом Мало-Русі». Правда, говорили это поляки «шляхтичі» [Споминки 1876, 27], и можно было бы связать эти слухи с известной игрой в гетманство Шевченко среди «мочеморд» и кирилло-мефодиевцев. Однако

неосторожно было бы отбрасывать вероятность того, что подобные слухи ходили и среди простонародья.

С другой же стороны, структура устного комплекса текстов о Шевченко столь же мозаична, многожанрова и вариативна, как и у легенд о царе Дмитриии и Петре III, изученных К. В. Чистовым. Здесь так же, как это установил К. Леви-Стросс, исследуя индейские мифы, инвариантный смысл мифа может установить лишь исследователь, анализируя совокупность его вариантов [Леви-Стросс 1997, 198]. Кроме того, хотя устный комплекс о Шевченко и развивался в соответствии с историей народа и страны, но на каждом конкретном этапе этого развития его временная характеристика отвечает той, которая, согласно К. Леви-Строссу, присуща мифу: события, о коих он повествует, «существуют вне времени». Вот так и Шевченко вроде и похоронен, а еще живой, или: «Було, каже, дивимось — ходить у молодих літах, а то дивись — появиться стариком» [Народ 1963, 110].

По своей структуре прозаический фольклор о Шевченко в основном отвечает описанной К. В. Чистовым «весьма устойчивой сюжетной схеме» легенды о «возвращающемся избавителе» [Чистов 1967, 30–32]. Инициальный мотив этой схемы («А. “Избавитель” намерен осуществить социальные преобразования (освободить крестьян...)») реализуется во многих повествованиях: «Та Шевченко цей дуже клопотався за людей, що робили у панів панщину, і дуже просив за них царя, щоб той дав їм волю» [Смоктий 1882, 373]. Есть и рассказы, воплощающие вариант «А₂», согласно которому герой легенды «намерен вернуть народу волю, которая была дарована царем, но скрывается крепостниками»: «Шевченко довго говорив з людьми, розказував їм правду про волю, яку цар з пананами замкнув дванадцятьма замками» [Народ 1963, 52]. Во многих записях находим следующий мотив: «В. Отстранение “избавителя”», при этом в традиции о Шевченко он реализуется в двух вариантах: согласно «В₁», героя лишают предыдущего статуса «и хотят его убить (заточить в тюрьму, монастырь и т. п.)», согласно «В₂» — на «избавителя» посягает правящий царь или придворные. После похорон Шевченко по Украине

распространились яркие соответствия вариантам «В₄ — придворные демонстрируют чей-нибудь труп для того, чтобы провозгласить “избавителя” умершим» и «В₅ — крепостники скрывают завещание, согласно которому царевич-“избавитель” должен наследовать престол». Примеры приведем из записей 1880-х гг.: «Ви кажете, що він таки вмер, а от я чула, що він живий і що привезли тільки клятбу в домовині, що він поклав на панів. Кажуть, що закопали цю домовину на високі могили недалеко од Києва, але ж я не бачила тієї могили, хоч і ходила в Київ» [Смоктий 1883, 322]. Обращенная модификация второго варианта: «Але ж як розрили її (могилу Шевченка. — С. Р.), то вона була тільки повна різних списів — бумаг, а його самого не було; то так з тими бумагами і закопали. Кажуть, що після хтось хотів ту могилу розкопати та забрать списи (бо з ними можна було б одібрати назад у людей ту землю, що у панів забрали після панщини), та у того чоловіка одібрало руки і ноги, то він і покинув докопувати» [Смоктий 1882, 322].

Мотив «С. Чудесное спасение “избавителя”» тоже находит соответствия в устной традиции о Шевченко. Были очень распространены рассказы о «ножах», будто бы похороненных вместо поэта, через такую деталь, как необычный вес гроба, генетически связанные с вариантом «С₂ — вместо “избавителя” хоронят куклу (восковую или металлическую статую и т. д.)». Вариант «С₃ — “избавитель” совершает побег из заточения» — наблюдаем в нарративах, где отразились слухи о втором аресте Шевченко на Украине: «а потім утік у Австрію, бо його знову хотіли посадити в тюрму» [Лютницький 1909].

Следующий мотив «D. “Избавитель” скрывается, странствует или оказывается в заточении» в схеме К. В. Чистова предшествует возвращению и «воцарению» героя легенды. В фольклоре о Шевченко он разворачивается главным образом во времена после смерти поэта, когда это еще позволяло представление о нормальном биологическом возрасте человека, при этом, понятно, ни о каком «воцарении» речь не идет. Но вариант этого мотива «D₃ — заточен в тюрьму (“закладен в столб”») реализуется в догадках

наподобие такой: «Недавно один галичанин, посетивший Киевскую губернию, сообщил, что там существует легенда о бессмертии Тараса Шевченка, что будто он находится в Сибири, прикованный к столбу...» [Кузмический 1887, 711].

Достаточно много в устной Шевченкиане аналогов русским воплощениям мотива «*Ф. Правящий царь пытается помешать “избавителю” осуществить его намерения*». При этом в нарративах о Шевченко речь идет не только о его преследовании в общей форме (F_1) — встречаем и вариант F_2 , где царь «предлагает компромисс, который отвергается “избавителем”»: «А то раз арештували Шевченка, щоб він не був межі мужиками. А цар викликає його до себе» и предлагает бросить «оте писання» и дать ему «високий чин». Шевченко отказывается [Народ 1963, 19]. Что же касается мотива «*Е. Встречи с “избавителем” или вести от него*», то в традиции о Шевченко очень полно воплотились аналоги варианта « E_1 — встречи с неузнанным “избавителем”, его объявление и исчезновение».

Ключевой мотив легенды о «возвращающемся избавителе», «*Г. Возвращение “избавителя”*», реализуется в устной традиции о Шевченко своеобразно и очень ярко. Например, в 1914 г. был напечатан монолог, в котором крестьянин заверял: «Повернется і принесе з собою ті “списи-листи”, що їх поодбирав од панів, за що й засланий був у Сибір», а в тех письмах «правда і воля народная» [Чаговец 1914]. Присутствуют и аналоги варианта « G_2 — он явится после определенного события», например: «столб этот уже подгнил, а когда сгниёт совсем, то Шевченко воротится к своим» [Кузмический 1887, 711]. Но чаще всего идет речь о том, что Шевченко уже вернулся, его уже видели, с ним разговаривали и т. п., он ночует в крестьянском жилище, исчезает, оставляя после себя записку и т. п. Вот пример: «Розказувала мені маги, що як вона була дівчиною, жили вони в селі Стара Гута, то до них зайшов якийсь старий дід і попросився ночувати. Його запитували, звідки ви і хто ви. А він каже: “Я дорожній прохожалий чоловік”. Переночував і пішов у ліс. У хаті покинув записку так, щоб вони не бачили. В тій записці було написано: “Як ви хотіли знати, хто у вас ночував — то я Тарас Шевченко”. В лісі

його бачили пастухи з книжками і божками. Він щось робив, переписував ті божки» [Назаренко 2006, 365]. Мотив «*Н. Узнавание “избавителя”*» реализуется в устной Шевченкиане в наиболее естественном, «реалистическом» варианте « N_3 — “избавителя” опознают люди, которые знали его до устранения», а нарративный point содержится как раз в начальной неузнаваемости поэта, которая так или иначе преодолевается. Когда в легенде мотив «*І. Воцарение “избавителя”*» относится к будущему, а в дореволюционной устной традиции о Шевченко его попытка достичь «гетманування» возникает как причина ссылки (см. выше), то в фольклоре советских времен этому мотиву отвечает представление об окончательном признании и осуществлении завещания Шевченко в советской Украине. Мотиву «*К. Осуществление “избавителем” социальных преобразований*» (с вариантом « K_1 — “избавитель” освобождает крестьян <...>, наделяет их землей...») полностью отвечает очень распространенное убеждение украинских крестьян, что «воли» (с землей) добился для них именно Шевченко. «Шевченко допоміг наполовину висвободити людей з панського ярма. Він усе писав цареві, щоб той одпустив людей з кріпаччини. Усе, було, стукать до царя, все пише: “Хоч і розстріляйте мене, а людей випустіть на волю”. Дійшло до того, що він знав у якому годі і в який день вийде людям свобода» [Там же, 447].

Наконец, финальный мотив легенды «*М. Наказание изменников, незаконного царя, придворных, дворян и т. д.*» отражен уже в слухах, которые фиксировались администрацией Каневщины после похорон Шевченко. Говорили, что «скоро наступит *Тарасова ночь*, в которую будут резать попов, ляхов» и евреев, что «в скором времени начнется резня» и т. п. [Назаренко 2006, 559, 563]. Приписанные поэту в записи 1910 г. слова «Усіх господ один кінець чекає» [Вильчинский 1961, 207] можно было бы поставить эпиграфом к многочисленным рассказам на эту тему советских времен, где, понятно, о ликвидации царя и «панів» говорится как об уже осуществленной.

На фоне этого главного «сверхсюжета» возникали вспомогательные, «дочерние» эпизоды интеллектуального поединка

Шевченко за народную «волю» с царем и панами. В этих эпизодах использовались по большей части бродячие сюжеты из общеевропейской устной традиции (в частности, смеховой), а именно — о чудесном умении исчезать из темницы [Вінок 1961, 97–98]; об угощении с ложками, имеющими длинные черенки ([Народ 1963, 76], об этом мотиве см.: [Росовецкий 1988, 245–246]); о ржании в ответ на кормление «вівсяним глевтяком» [Народ 1963, 49]; о зернах как модели человеческого коллектива; о художнике, которому не заплатил богач, заказчик портрета; о том, как в школе «кзамент» сдал и в люди вышел не лентяй-паныч, а его слуга (ср.: [Голиков 1798, 296–298]); о том, как изгнанник, исполнив повеление «Геть із моєї землі!», возвращается, стоя «на своїй» (на телеге или т. п.); о предводителе народного восстания, который «вимете» панов ([Народ 1963, 98], об этом мотиве см.: [Чистов 1986, 176–180]); о сказочном «дурне», которого загнали в церковь собаки (ср.: [Афанасьев 1992, № XIV, 20–25]); об «остроумных ответах» Шевченко царю, панам и попам (много вариантов) и т. п. Звучали короткие наррации и на оригинальные сюжеты, например: «Узнав, что прибывший из Петербурга Шевченко — академик, один помещик поспешил познакомиться с ним. Он обнял поэта за плечи: “Друг мой, брат мой”. Оттолкнув помещика, Шевченко ответил: “А вы, господин, разве тоже из крепостных? И ребенком спали в корыте, покрытом мешком?”» [Назаренко 2006, 364].

Периферию же устной прозы о Шевченко составляют анекдоты исключительно смехового характера, бытовавшие в интеллигентских кругах знакомых поэта (как он заставил старушку помещицу танцевать с ним народный танец; как на охоте, оставшись один в тарантасе, приел и выпил все припасы; как испугал попа, а тот упал с кладки в воду и т. п.). Интересно, что в большинстве своем они восходят к юмористическим повествованиям Шевченко о самом себе, этим неизученным образцам его устного горького «самосмеяния». Об этих рассказах «поэта, с виду серьезного», В. Ф. Демич, со слов своего дяди, писал: они «...отличались таким живым юмором, что слушатели, старые и молодые,

“животы рвали со смеху”, а сам Шевченко, бывало, “бровью не моргну»» [Демич 1891, 430].

Получить представление о словесной форме текстов из устного репертуара самого Шевченко, которые легли в основу этих анекдотов, позволяет изучение автобиографических устных рассказов, записанных от поэта его современниками. Это записи Г. Н. Честаховским (инициалы перепутаны публикатором) воспоминаний Шевченко о петербургских забавах учеников К. П. Брюллова [Честаховский 1895] и о том, как Шевченко обедал у крестьянина в Яготине [Жур 1983, 23]; отрывок из рассказа поэта В. Н. Забиле о трагикомических обстоятельствах следования будущего поэта по этапу из Варшавы в Петербург, записанный Н. М. Белозерским под заглавием «Шевченко в Варшаве» [Белозерский 1882, 68–69]; одну из фиксаций рассказов Шевченко, напечатанных М. К. Чалым, а именно: «На Арале есть плавучие острова» [Чалый 1882, 148].

В целом же устная проза о Шевченко продолжает определенную отечественную традицию. «Слово о полку Игореве» удостоверяет существование фольклора о загадочном певце «вещем» Бояне, записи украинских фольклористов XIX в. зафиксировали тексты о царе Давиде, авторе Псалтыря, а ближе к нашему времени — о Григории Сковороде. На первый взгляд, такой идентификации мешает тот давно установленный в шевченковедении факт, что фольклорный Шевченко, во всяком случае в досоветские времена, это не поэт, а ловкий «характерник», колдун, борец за «волю» народа, языческий пророк. Но стоит вспомнить, что в украинском фольклоре христианские легенды о библейском певце-царе происходят от переводных апокрифов. Объективно они выполняли и светскую культурологическую функцию, поддерживая в устной традиции представления о певце-поэте как о наделенном сакральными свойствами творце, информацию о котором следует передать последующим поколениям. Тем самым они парадоксально продолжили древнерусскую традицию почитания памяти святого («вещего») певца и, в свою очередь, облегчили образование и распространение уже в XIX в. фольклора о Шевченко.

Литература

Афанасьев 1992 — *Афанасьев А. Н.* Русские заветные сказки. М., 1992.

Белозерский 1882 — *Белозерский Н. М.* Тарас Григорьевич Шевченко по воспоминаниям разных лиц (1831–1861) // Киевская старина. 1882. Т. IV. Октябрь — декабрь. С. 66–77.

Береза 1964 — *Береза З.* Образ Шевченка в українській народній творчості (Архів Нехорошева С. С., Ленінград, Пушкінський дім) // Вивчаємо Шевченка: Зб. науков. праць студентів філологічного фак-ту: До 150-річчя з дня народження Т. Г. Шевченка. Київ, 1964. С. 5–28.

Вінок 1961 — Вінок Кобзареві: Поезія, нариси та оповідання. Черкаси, 1961.

Вильчинский 1961 — *Вильчинский В.* Народные легенды о великом Кобзаре: К 100-летию со дня смерти Т. Г. Шевченко // Звезда. 1961. № 3. С. 205–209.

Ганненко 1875 — *Ганненко Е. А.* Новые материалы для биографии Т. Г. Шевченко // Древняя и новая Россия. 1875. Июнь. С. 193–196.

Голиков 1798 — *Голиков И.* Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого. М., 1798.

Дашкевич 1888 — *Дашкевич Н. П.* Отзыв о сочинении г. Петрова «Очерки истории украинской литературы XIX столетия» (Отчет о 29-м присуждении наград гр. Уварова). СПб., 1888.

Демич 1891 — *Демич В. Ф.* Тарас Григорьевич Шевченко: К его биографии // Русская старина. 1891. Вып. 4–6. Май. С. 429–431.

Дорошкевич 1982 — *Дорошкевич О. К.* Шевченко в селянських переказах // Спогади про Тараса Шевченка. Київ, 1982. С. 398–402.

Жур 1983 — *Жур П.* Дума про вогонь: З хроніки життя і творчості Тараса Шевченка. Київ, 1983.

Іванченко 1940 — *Іванченко І.* Слава Кобзареві // Народна творчість. 1940. № 3. С. 70–80.

Кузмический 1887 — *Кузмический П.* Шолудивый Буянка в украинских народных сказаниях // Киевская старина. 1887. Т. XVIII. Август. С. 699–713.

Кушнарченко 1964 — *Кушнарченко Д. О.* Шевченко — герой переказів і легенд // Народна творчість та етнографія. 1964. № 3. С. 68–72.

Леві-Строс 1997 — *Леві-Строс К.* Структурна антропологія. Київ, 1997.

Листи 1993 — Листи до Тараса Шевченка. Київ, 1993.

Лютницький 1909 — *Лютницький А.* Тарас Шевченко в народних переказах // Рада. 1909. 3 (16) червня.

Мартынович 1906 — Українські записи Порфірія Мартыновича. Київ, 1906.

Назаренко 2006 — *Назаренко М.* Поховання на могилі (Шевченко, якого знали). Київ, 2006.

Народ 1961 — Народ про Шевченка. Київ, 1961.

Народ 1963 — Народ і Шевченко: Легенди, перекази, пісні та інші твори про великого Кобзаря. Київ, 1963.

Одарченко 1994 — *Одарченко П.* Тарас Шевченко і українська література. Київ, 1994.

Правдюк 1977 — *Правдюк О. А.* Шевченко Т. Г. у народній словесній та музичній творчості // Шевченківський словник. Т. 2. Київ, 1977. С. 365–368.

Пчілка 1906 — *Пчілка О.* Перекази про Шевченка // Шершень. 1906. № 9.

Росовецкий 1988 — *Росовецкий С. К.* Повесть о царе Иване и старце как памятник демократической «смеховой» культуры XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 41. Л., 1988. С. 241–267.

Смоктий 1882 — *Смоктий А.* Взгляд народа на Шевченка // Киевская старина. 1882. Август. С. 371–373.

Смоктий 1883 — *Смоктий А.* Воспоминание о Шевченке // Киевская старина. 1883. Т. VII. Сентябрь — октябрь. С. 320–322.

Споминки 1876 — Споминки про Тараса Григоровича Шевченка // Правда. 1876. № 1–2.

Чаговец 1914 — *Чаговец Вс.* По мемуарам и записям современников // Киевская мысль. 1914. 25 февр.

Чалый 1882 — *Чалый М. К.* Жизнь и произведение Тараса Шевченко (Свод материалов для его биографии). Київ, 1882.

Чистов 1967 — *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967.

Чистов 1986 — *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л., 1986.

Честаховский 1895 — Из воспоминаний Т. Г. Шевченка (запись Н. Г. Честаховского) // Киевская старина. 1895. Т. XLVIII. Январь — март. С. 139–141.

Шевченко 1940 — Шевченко в народній творчості. К., 1940.

Sydow 1934 — *Sydow C. W. von.* Kategorien der Prozavolksdichtung // Volkskundliche Gaben John Meier zum 70. Geburtstag dargebracht. Berlin; Leipzig, 1934. P. 253–268.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фольклористики Института филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, член Международного общества по изучению народного повествования: Украина, 01033, г. Киев, бул. Шевченко, д. 14; тел.: +8 (044) 239-31-69; e-mail: js_rosovezki@inbox.ru

TARAS SHEVCHENKO IN UKRAINIAN ORAL PROSE

STANISLAV ROSOVETSKIY

(Taras Shevchenko National University of Kyiv: 14, Shevchenko bul., Kyiv, 01033, Ukraine)

Summary. *The article deals with the embodiment of Taras Shevchenko's appearance in Ukrainian oral prose. Contemporaries noticed existence of colorful legends about the poet yet during his life, and first samples were recorded already in 1882. Several anthologies of folklore samples about Shevchenko have been compiled according to Stalinist canon of folklore studies during the Soviet period. Plenty of texts entered in the newest anthology (2006), published by M. Nazarenko. However, search in archives, scholarly edition and research on folklore about Shevchenko still remain an actual task of Ukrainian folkloristics.*

There in oral prose tradition about Shevchenko "Chroniknotizen (Sagenbericht)" (C. von Sydow), which are confirmative for fantastic plots and legends, which have been existing among peasants already, prevail in number. "Memorates" occupy the second position by quantity. "Memorates" present recitals about meetings with the poet, which frequently get more and more distant from plausibility in course of time, and "quasi-memorates". Pure "fabulates" are met rarely, they are manifested as fragments of oral memoirs often.

Oral prose about Shevchenko consists of an ideological center and periphery. The indicated ideological center has formed a large multi-genre complex, which represents an original Ukrainian version of "social-utopian legend" (myth) about a "returning deliverer" (K. V. Chistov). Shevchenko appears in the role of non-monarchic "returning deliverer", and the narratives about him keep within the "very stable plot pattern" of legend (myth). Laughter components prevails in the periphery, in which basic genre is represented by an anecdote, most of which had appeared among educated circles of the poet's acquaintances. Most texts come from Shevchenko's humorous narrations of about himself, those brilliant examples of his oral bitter "self-derision".

Key words: *Shevchenko, oral prose, legend, myth, anecdote.*

References

Afnas'ev A. N. (1992) *Russkie zavetnye skazki* [Russian hidden tales]. Moscow. In Russian.

Belozerskiy N. M. (1882) *Taras Grigor'evich Shevchenko po vospominaniyam raznykh lits (1831–1861)* [Taras Grigor'evich Shevchenko in memoirs of different persons (1831–1861)]. *Kievskaya starina* [Kyiv Antiquity]. 1882. No. 10. Pp. 66–77. In Russian.

Bereza Z. (1964) *Obraz Shevchenka v ukrainskiy narodniy tvorchosti* (Arkhiv Nekhorosheva S. S., Leningrad, Pushkins'kiy dim) [Image of Shevchenko in Ukrainian folk creativity (S. S. Nekhoroshev's archive, Leningrad, Pushkin house)]. In: *Vivchaemo Shevchenka. Zbirnik naukovikh prats studentiv filologichnogo fakultetu. Do 150-richchya z dnya narodzhennya T. G. Shevchenka* [Studying Shevchenko. Collection of scholarly works by students of philological faculty. To the 150th anniversary from the day of birth of T. G. Shevchenko]. Kyiv. Pp. 5–28. In Ukrainian.

Chagovets Vs. (1914) *Po memuarom i zapysyam sovremennikov* [In memoirs and notes of contemporaries]. *Kievskaya mysl'* [Kyiv Thought]. 1914. The 25th of February. In Russian.

Chalyy M. K. (1882) *Zhizn' i proizvedeniya Tarasa Shevchenko* (Svod materialov dlya ego bio-

grafii) [Life and works of Taras Shevchenko (Code of materials for his biography)]. Kyiv. In Russian.

Chistov K. V. (1986) *Narodnye traditsii i fol'klor: Ocherki teorii* [Folk traditions and folklore: Essays on theory]. Leningrad. In Russian.

Chistov K. V. (1967) *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy* [Russian folk social-utopian legends]. Moscow. In Russian.

Dashkevich N. P. (1888) *Otzyv o sochinenii g. Petrova «Ocherki istorii ukrainskoy literatury XIX stoletiya»* (Otchet o 29-m prisuzhdenii nagrad gr. Uvarova) [Review on Mr. Petrov's work "Essays on history of Ukrainian literature of the 19th century" (Report on the 29th award in honor of Count Uvarov)]. St. Petersburg. In Russian.

Demich V. F. (1891) *Taras Grigor'evich Shevchenko: K ego biografii* [Taras Grigor'evich Shevchenko: To his biography]. *Russkaya starina*. [Russian Antiquity]. 1891. May. Pp. 429–431. In Russian.

Doroshkevich O. K. (1982) *Shevchenko v selyans'kikh perekazakh* [Shevchenko in peasant recitations]. In: *Spogadi pro Tarasa Shevchenka* [Memoires about Taras Shevchenko]. Kyiv. Pp. 398–402. In Ukrainian.

Gannenko E. A. (1875) *Novye materialy dlya biografii T. G. Shevchenko* [New materials for Shevchenko's biography]. In: *Drevnyaya i no-*

vaya Rossiya. [Old and New Russia]. 1875. June. Pp. 193–196. In Russian.

Golikov I. (1798) Anekdoty, kasayushchiesya do gosudarya imperatora Petra Velikogo. [Anecdotes, involving the Sovereign Emperor Peter the Great]. Moscow. In Russian.

Ivanchenko I. (1940) Slava Kobzarevi [Glory to Kobzar]. *Narodna tvorchist'* [Folk creativity]. 1940. No 3. Pp. 70–80. In Ukrainian.

Iz vospominaniy T.G. Shevchenka (zapis' N.G. Chestahovskogo) (1895). [From memoirs of T.G. Shevchenko (recorded by N.G. Chestakhovskiy)]. *Kievskaya starina* [Kyiv Antiquity]. 1895, Vol. 2. Pp. 139–141. In Russian.

Kushnarenko D.O. (1964) Shevchenko — geroy perekaziv i legend [Shevchenko as a hero of folk narratives and legends]. *Narodna tvorchist' ta etnografiya* [Folk creativity and ethnography]. 1964. No. 3. Pp. 68–72. In Ukrainian.

Kuzmicheskii P. (1887) Sholudivyy Bunyaka v ukrains'kikh narodnykh skazaniyakh [Mangy Bunyaka in the Ukrainian folk stories]. *Kievskaya starina* [Kyiv Antiquity]. 1887. August. Pp. 699–713. In Russian.

Levi-Stros K. < Lévi-Strauss Cl.> (1997) Strukturna antropologiya [Structural anthropology]. Kyiv. In Ukrainian.

Listi do Tarasa Shevchenka [Letters to Taras Shevchenko] (1903). Kyiv. In Ukrainian.

Lyutnits'kiy A. (1909) Taras Shevchenko v narodnikh perekazakh [Taras Shevchenko in folk legends]. *Rada* [The Council]. 1909. The 3rd (the 16th) of June. In Ukrainian.

Martinovich P. (1906) Ukrains'ki zapisi Porfiriya Martinovicha [Ukrainian records by Porfiry Martinovich]. Kyiv. In Ukrainian.

Narod i Shevchenko. Legendi, perekazi, pisni ta inshi tvori pro velikogo Kobzarya [People and Shevchenko. Legends, folk narratives, songs and other oral specimen about the great bard Kobzar] (1963). Kyiv. In Ukrainian.

Narod pro Shevchenka [People about Shevchenko] (1961). Kyiv. In Ukrainian.

Nazarenko M. (2006) Pokhovannya na mogili (Shevchenko, yakogo znali) [A grave on a burial mound (Shevchenko that was known)]. Kyiv. In Ukrainian and in Russian.

Odarchenko P. (1994) Taras Shevchenko i ukrains'ka literatura [Taras Shevchenko and Ukrainian literature]. Kyiv. In Ukrainian.

Pchilka O. (1906) Perekazi pro Shevchenka [Folk stories about Shevchenko]. *Shershen'* [Hornet]. 1906. No 9. In Ukrainian.

Pravdyuk O.A. (1977) Shevchenko T.G. u narodniy slovesniy ta muzichniy tvorchosti [Shevchenko T.G. in folk verbal and music arts]. *Shevchenkivskiy slovník* [Shevchenko's dictionary]. Kyiv. Vol. 2. Pp. 365–368. In Ukrainian.

Rosovetskiy S.K. (1988) Povest' o tsare Ivane i startse kak pamyatnik demokraticheskoy "smekhovoy" kul'tury XVII v. [Story about a tsar Ivan and an elder as a monument of democratic "laughter" culture of the 17th century]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 41. Pp. 241–267. In Russian.

Shevchenko v narodniy tvorchosti (1940) [Shevchenko in folk creativity]. Kyiv. In Ukrainian.

Smoktiy A. (1882) Vzgl'yad naroda na Shevchenka [Folk views on Shevchenko]. *Kievskaya starina* [Kyiv Antiquity]. 1882. August. Pp. 371–373. In Russian.

Smoktiy A. (1883) Vospominanie o Shevchenke [Memoirs about Shevchenko]. *Kievskaya starina* [Kyiv Antiquity]. 1883. Vol. VII. Pp. 320–322. September and October. In Russian.

Spominki pro Tarasa Grigorovicha Shevchenka (1876) [Memoirs about Taras Grigorovich Shevchenko]. *Pravda*. [Truth]. No. 1–2. In Ukrainian.

Sydow C. W. von. (1934) Kategorien der Proza- volksdichtung. *Volkskundliche Gaben John Meier zum 70. Geburtstag dargebracht*. Berlin; Leipzig. Ss. 253–268. In German.

Vil'chinskiy V. (1961). Narodnye legendy o velikom Kobzare. K 100-letiyu so dnya smerti T.G. Shevchenko [Folk legends about great Kobzar bard. To the 100th anniversary from the day of death of T.G. Shevchenko]. *Zvezda*. [The Star]. No. 3. Pp. 205–209. In Russian and in Ukrainian.

Vinok Kobzarevi. Poeziya, narisi ta opovidannya (1961) [Chaplet to Kobzar the bard. Poetry, essays and stories]. Cherkasi. In Ukrainian.

Zbur P. (1983) Duma pro vagon' Z khroniki zhittya i tvorchosti Tarasa Shevchenka. [Ballade about fire. From the chronicle of life and creativity of Taras Shevchenko]. Kyiv. In Ukrainian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: js_rosevezki@inbox.ru

Tel.: +8 (044) 239-31-69

14, bul. Shevchenko, Kyiv, 01033, Ukraine

Grand PhD (Philology), professor of Department of Folkloristics, Institute of Philology, Taras Shevchenko National University of Kyiv, member of the International Society for Folk Narrative Research
